

Научная статья

УДК 316.73-053.81+314.74(1-925.3)

<https://doi.org/10.24158/spp.2022.1.1>

Анализ культурных ценностей российской молодежи и мигрантов из стран Центральной Азии на современном этапе (по методике Г. Хофстеде)

Алексей Игоревич Евдокимов¹, Ирина Владимировна Пономарева^{2,3}

¹Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия, aievdokimov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0271-3202>

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, ivp-csu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8600-3533>

³Томский государственный университет, Томск, Россия

Аннотация. Данная работа является обобщающим анализом культурных ценностей у молодых россиян и мигрантов из стран Центральной Азии, проведенным нашей исследовательской группой в 2019–2021 гг. по методике голландского ученого Герта Хофстеде. В результате проведенного социологического исследования, в котором принимали участие 404 человека: 182 представителя российской молодежи и 222 представителя миграционных сообществ государств Центральной Азии, были определены значения следующих показателей: дистанцированность власти (PDI), индивидуализм (IDV), маскулинность (MAS), избегание неопределенности (UAI), долгосрочная ориентированность (LTO). Среди полученных результатов можно отметить общие для респондентов обеих групп низкую дистанцию власти, индивидуализм, маскулинность, высокую степень избегания неопределенности и средний уровень долгосрочной ориентированности. При этом для молодых мигрантов по сравнению с русскими характерен более низкий уровень индивидуализма, меньшая дистанция власти, меньший уровень избегания неопределенности, но более высокий уровень маскулинности и долгосрочной ориентированности. Среди основных факторов, определяющих данные различия, были выделены социально-экономический, культурно-религиозный и психологический.

Ключевые слова: культурные ценности, ценности, идентичность, молодежь, мигранты, миграционный процесс, Центральная Азия, Герт Хофстеде

Для цитирования: Евдокимов А.И., Пономарева И.В. Анализ культурных ценностей российской молодежи и мигрантов из стран Центральной Азии на современном этапе (по методике Г. Хофстеде) // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 1. С. 14–20. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.1.1>.

Финансирование: исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ – проект № 19-013-00949 А «Культурно-этнические детерминанты самостоятельности – личностной беспомощности молодежи России и стран ближнего зарубежья (на материале мигрантов из Центральной Азии)».

Original article

Analysis of cultural values of Russian youth and Central Asian migrants at the present stage (by G. Hofstede methodology)

Aleksei I. Evdokimov¹, Irina V. Ponomareva²

¹Katanov Khakas State University, Abakan, Russia, aievdokimov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0271-3202>

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, ivp-csu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8600-3533>

³Tomsk State University, Tomsk, Russia

Abstract. The present paper is a summary analysis of cultural values in Russian youth and Central Asian migrants, carried out by our research team in 2019–2021 using the methodology of the Dutch scholar Geert Hofstede. The sociological study according to the method of G. Hofstede, which involved 404 participants: 182 representatives of Russian youth and 222 representatives of Central Asian migrant communities, determined the following indicators: Power distance index (PDI), Individualism vs. collectivism (IDV), Masculinity vs. femininity (MAS), Uncertainty avoidance (UAI), Long-term orientation vs. short-term orientation (LTO). Among the results obtained, we can note the low power distance, individualism, masculinity, a high degree of uncertainty avoidance, and an average level of long-term orientation, which are common for the respondents of both groups. At the same time, compared to Russians, young migrants are characterized by a lower level of individualism, a smaller power distance, a lower level of uncertainty avoidance, but a higher level of masculinity and long-term orientation. Socio-economic, cultural-religious and psychological factors have been identified as major determinants of these differences.

Keywords: cultural values, values, identity, youth, migrants, migration process, Central Asia, Geert Hofstede

For citation: Evdokimov, A.I. & Ponomareva, I.V. (2022) Analysis of cultural values of Russian youth and Central Asian migrants at the present stage (by G. Hofstede methodology). *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. (1), 14–20. Available from: doi:10.24158/spp.2022.1.1 (In Russian).

Funding: the study was carried out under the RFBR grant project № 19-013-00949 A “Cultural and ethnic determinants of independence – personal helplessness of Russian youth and CIS countries (on the material of migrants from Central Asia)”.

Введение. В современном динамично развивающемся обществе в условиях глобализации, интеграции экономических систем и унификации международного правового поля сфера культуры остается важнейшим оплотом, который позволяет многочисленным этническим группам отстаивать возможность демонстрации своей исключительности, особенности и инаковости. Культурные ценности становятся базой для самоидентификации индивидов, которые в эпоху открытой информации, технологической грамотности и личностной осознанности с гораздо большей тщательностью и усердием, чем в прежние времена, пытаются найти свое место в быстро меняющемся мире текучей современности.

Тематика культурных ценностей набирает популярность во второй половине XX в., что начинает выражаться в различных исследовательских проектах социологов, философов, антропологов и ученых смежных дисциплин. В 1970-х гг. начал развиваться проект Р. Инглхарта «Материалистические и постматериалистические ценности», исследовательской базой которого стали мониторинги общественного мнения в европейских странах, которыми занимался ученый, работая в «Евробарометре». Данное исследование со временем трансформировалось в проект «Всемирный обзор ценностей», который занимается изучением культурных ценностей с позиций «выживания – самовыражения» и «традиции – секулярности (рациональности)». Р. Инглхарт в своих исследованиях опирается на тезис о связи удовлетворения базовых социально-экономических и экзистенциальных потребностей с ростом значимости постматериалистических ценностей в общественном сознании (Инглхарт, 2018). Особую роль исследователь отводит молодежи, благополучная жизнь которой является основным источником увеличения значимости постматериалистических ценностей.

Исследованию универсальности содержания и структуры ценностей посвящены работы Ш. Шварца, для которого наиболее значимым критерием анализа культурных ценностей являются показатель автономии – принадлежности к группе (Schwartz, 1992). Он определил десять базовых культурных ценностей, связанных с мотивацией и целевыми установками индивидов: универсализм, доброта, конформность, традиция, безопасность, власть, достижения, гедонизм, стимуляция и самостоятельность.

В конце XX в. набрала популярность исследовательская программа Р. Хауза, в основу которой был положен глобальный анализ лидерства и эффективного поведения в организациях (GLOBE), проводившийся среди управленцев по всему миру (House et al., 2004).

Наиболее популярным и авторитетным исследователем культурных ценностей, оказавшим наибольшее влияние на отечественную научную школу, можно считать основоположника этнометрического подхода Г. Хофстеде. Он выстроил свою теорию на социологическом материале, полученном в результате анкетирования сотрудников компании IBM из нескольких десятков стран мира. В своей классической работе «Последствия культуры» (Hofstede, 1980) он определил четыре показателя, которые позволяют дифференцировать ценностные системы различных типов культур: дистанцированность власти (PDI), индивидуализм (IDV), маскулинность (MAS), избегание неопределенности (UAI). По результатам последующих исследований в Азии был добавлен пятый показатель – долгосрочная ориентированность (LTO).

Результаты и дискуссия. В 2019–2021 гг. в рамках работы по проекту № 19-013-00949 А, поддержанному Российским фондом фундаментальных исследований, нами проводилось социологическое исследование, которое включало в себя перечень вопросов, связанных с определением культурных ценностей молодых граждан России и молодых мигрантов из государств Центральной Азии (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана), составленных по методике Г. Хофстеде (Хофстеде, 2014). В исследовании приняли участие 404 респондента в возрасте от 18 до 30 лет, среди которых 182 чел. – россияне, 222 чел. – мигранты. Тип выборки – случайная в рамках генеральной совокупности (граждане России и мигранты из государств Центральной Азии в возрасте от 18 до 30 лет). Половозрастные особенности респондентов: 42,5 % – мужчины, 57,5 % – женщины; средний возраст респондентов составил 21 год. Основная часть респондентов на момент проведения исследования постоянно или временно проживала на территории городов Челябинск и Оренбург, 80% респондентов по типу занятости относятся к сту-

дентам. Перечень вопросов был составлен на русском языке, поэтому участниками исследования стали мигранты, владеющие русским языком. В результате обработки ответов респондентов были получены данные, соотносящиеся с показателями Г. Хофстеде, представленные в таблице. Численные значения в таблице (от 1 до 100) свидетельствуют о том, насколько сильно каждый показатель выражен: высокие показатели свидетельствуют о высокой дистанции власти, индивидуализме, маскулинности, высокой степени избегания неопределенности, долгосрочной ориентации, а низкие – о низкой дистанции власти, коллективизме, феминности, низкой степени избегания неопределенности, краткосрочной ориентации.

Таблица 1 – Сравнение индексов Г. Хофстеде для молодежи России и мигрантов из Центральной Азии

Группа респондентов	Дистанция власти (PDI)	Индивидуализм (IDV)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределенности (UAI)	Долгосрочная ориентация (LTO)
Русские	25	75	59	99	53
Мигранты	18	58	63	85	57

Рассмотрим подробнее каждый показатель.

PDI (Power Distance) – дистанцированность власти. Г. Хофстеде определяет данный показатель как «степень, с которой облеченные меньшей властью члены организаций и институционализированных групп принимают неравное распределение власти и ожидают этого неравенства» (Хофстеде, 2014: 20). Дистанцированность власти связана с неравенством и иерархичностью, которые существуют между различными группами и внутри отдельных групп социума. При этом правила социальных отношений принимаются и теми, кто находится внизу, и теми, кто находится на границах социальной структуры, а не только власть имеющими.

Результаты исследования по данному показателю свидетельствуют, что и молодые русские (PDI = 25), и приезжие (PDI = 18) обладают низкой дистанцированностью власти. Это характеризуется тем, что молодежь воспринимает власть как институт принуждения, который опирается на правовые и этические нормы и с которым можно вести диалог. Не существует больших барьеров в отношениях между людьми разных поколений, молодежь и взрослые на равных общаются друг с другом, имеют равные возможности в экономической и профессиональной деятельности. Молодежь отмечает наличие возможностей в выстраивании горизонтальной управленческой системы в организациях, при которой начальство советуется с подчиненными и совместно занимается вопросами постановки и решением задач. В политической жизни страны поддерживается стабильность и открытость, легитимизируется республиканизм с присущей ему многопартийностью и устойчивым избирательным процессом. В духовной культуре преобладает светскость, поддерживается равенство различных религиозных групп, культурное многообразие.

Необходимо заметить, что значение показателя PDI у мигрантов немного ниже, чем у русских, что может объясняться наличием большого количества горизонтальных коммуникаций в миграционных сетях на территории страны прибытия мигрантов (в данном случае России). Другим фактором такого различия является система социально-политических отношений, сложившаяся между Российской Федерацией и центрально-азиатскими государствами бывшего СССР в постсоветский период. Речь идет о некоторых постколониальных трансформациях, которые наблюдаются в ценностно-мировоззренческих системах жителей стран бывшего СССР в современный период (Чистанов, 2020: 50).

IDV (Individualism) – индивидуализм. Показатель «индивидуализм» связывает индивидов с социальными группами, которые оказывают на него влияние в процессе социализации. Чем выше показатель, тем менее жесткими и детерминированными становятся связи человека с окружающими его людьми, что в первую очередь определяется характером семейных отношений. Коллективистские общества с низким показателем «индивидуализма» не воспринимают индивидов в отрыве от социальной группы и не предоставляют возможностей для личностной самореализации вне устоявшейся традиции, но взамен обеспечивают безопасность и помощь со стороны членов данной социальной группы.

Результаты исследования по данному показателю демонстрируют, что молодые россияне (IDV = 75) обладают достаточно высоким уровнем индивидуализма, молодые мигранты (IDV = 58)

же находятся гораздо ближе к границе между индивидуализмом и коллективизмом. Высокий показатель IDV среди опрошенных россиян связан с постсоветским ценностно-мировоззренческим сдвигом, который фиксируется исследователями с 1990-х гг. Так, Н.В. Латова отмечает, что «россияне не только имеют более-менее по-западному выраженные ценности “дистанции власти” и “индивидуализма”, но эти ценности в российской культуре еще и гомогенны, а потому вряд ли подвержены размыванию» (Латова, 2016: 173–174). По ее мнению, данные показатели формируют основу культуры западных стран и создают пространство возможности существования демократических формальных институтов. Современная молодежь рьяно отстаивает ценности личностного саморазвития, права на частную жизнь и свободу самовыражения. Индивидуализм характерно проявляется в различных сферах общественной жизни и деятельности. В политической жизни он выражается в популярности протестных движений и активном участии в низовых политических организациях, укреплении различных правозащитных институтов, формировании гражданской позиции через волонтерские и добровольческие движения. Экономическое сознание молодежи стало более функциональным и меркантильным, профессиональная деятельность перестала базироваться на понятиях «долга» и «общественной пользы», перейдя в лоно вопроса личной самореализации, приносящей благо в виде материального или социального капитала. Таким образом, можно согласиться с А.Е. Хреновым, акцентирующим внимание на взаимосвязи показателей культуры с экономическими факторами (Хренов, 2017: 182).

Ценностно-мировоззренческие установки молодых мигрантов из постсоветской Центральной Азии также подвержены тенденции индивидуализации, пусть и не в такой большой степени, как у русских. Это связывается с меньшим воздействием западных культурных ценностей, усилению которых оказывают сопротивление традиционные этнокультурные и религиозные институты, продолжающие иметь серьезный вес в общественном пространстве центрально-азиатских государств. Такая установка направляет молодежь в сторону сохранения привычного уклада и порядка вещей, ставит такие ценности, как «честь», «достоинство» и «ответственность», выше любых личностных выгод и привилегий. Традиция становится важнейшей основой коллективизма и позволяет поддерживать силу коллективистских установок в транзитных обществах (Мадюкова, 2021: 85). Подтверждением этому служит, в том числе, и наше исследование по методике Ш. Шварца, в котором мы зафиксировали большую выраженность основных культурно-этнических ценностей у мигрантов по сравнению с русскими (Евдокимов, Пономарева, 2021).

MAS (Masculinity) – маскулинность. Данный показатель связан с соотношением ценностей между гендерными составляющими общества, с различиями между «мужским» и «женским». Г. Хофстеде в своих исследованиях приходит к выводу, что «“женские” ценности в меньшей степени различаются между социумами, чем “мужские”; “мужские” ценности в каждой стране варьируют от весьма ассертивных и состязательно-агрессивных, максимально отличных от женских, с одной стороны, до умеренных, “заботливых”, подобных женским – с другой» (Хофстеде, 2014: 26). Чем выше показатель «маскулинности», тем больше разрыв между ценностно-мировоззренческими установками мужчин и женщин в конкретном обществе и культуре.

Результаты исследования по данному показателю демонстрируют, что в ценностных ориентациях как русских ($MAS = 59$), так и мигрантов ($MAS = 63$) преобладает маскулинность. Культурно-этнические установки обществ государств постсоветского пространства продолжают базироваться на гендерном дисбалансе в различных сферах общественной жизни, что проявляется в достаточно четком распределении социальных и профессиональных ролей между мужчинами и женщинами. Традиционные мужские ценности «силы», «эффективности» и «амбициозности» становятся популярны и среди женщин, что, с одной стороны, несколько уравнивает их в отношении с мужчинами, но с другой – усиливает общую маскулинность таких сообществ. Более высокий показатель маскулинности у молодых мигрантов также связан с культом работы и необходимостью трудовой миграции в Россию для материального обеспечения своей семьи на родине. Это отчуждает мужчин от процесса воспитания детей, что приводит к воспроизводству традиционных практик распределения ролей, в которых женщине отводится основное место в воспитании и эмоциональной поддержке детей. С другой стороны, глобальные тенденции гендерного выравнивания способствуют постепенному уменьшению показателя маскулинности среди молодежи (Anzhiganova, Asochakova, Тороева, 2017). Следствием этого становится активное включение женщин в политическую жизнь общества, что ясно фиксируется на примере современной России, где все больше государственных должностей, позиций ректоров университетов и управленческих должностей в крупных компаниях отдается женщинам. Если в 1990-е гг. мигрантами из стран Центральной Азии были в основном молодые мужчины, то с каждым годом наблюдается рост женской миграции, менее выраженной в трудовой сфере, но уверенно отмечающейся в сфере образования.

UAI (Uncertainty Avoidance) – избегание неопределенности. Данный показатель связан с уровнем социального напряжения в ожидании будущих изменений. Он демонстрирует, в какой степени общество и присущая ему культура формирует отношения к ситуациям, которые являются новыми или неизвестными для данного общества, как культура реагирует на вызовы и изменения, какими способами справляется с турбулентностью в различных сферах общественной жизни.

Результаты исследования по данному показателю свидетельствуют, что и русские ($UAI = 99$), и мигранты ($UAI = 85$) обладают очень высоким уровнем избегания неопределенности. Избегание неопределенности выражено, в первую очередь, высокой степенью детерминированности жизненного цикла, формированием окружающего бытия посредством строгих правил и норм, отход от которых осуждается общественностью. Перемены и неопределенность воспринимаются как угроза стабильному течению жизни, поэтому любые действия в сторону кардинальных изменений в обществе вызывают категоричные реакции и конфронтацию. Обществам с высокой степенью избегания неопределенности свойственна тревожность, беспокойность и психологическая фрустрация, которые на индивидуальном уровне обнаруживаются в виде потока бесконечных жалоб на уровень жизни, здоровье, окружающую разруху и внешнее давление. В такой ситуации самым надежным способом консолидации общества становится формирование политической властью четких структурированных народных программ и массовых нормативно-поведенческих шаблонов. В духовной жизни наблюдается высокий уровень религиозности, подверженность влиянию авторитетов и лидеров мнений. Общество поддерживает стабильность и традиционность на всех уровнях социальных взаимодействий: от семьи до межгосударственных контактов.

Более низкое значение по данному показателю у молодых мигрантов по сравнению с русскими связано с тем, что решение о миграции уже само по себе является движением в сторону неопределенности, какие бы гарантии не получил человек от представителей своего сообщества в стране приема. Мигрант, таким образом, психологически более гибок и адаптивен, чем человек, который всю жизнь проживает в одном месте. Это подтверждается проведенным анализом в рамках работы по нашему исследовательскому проекту, где мы зафиксировали различия между группами респондентов по таким факторам, как самостоятельность и личностная беспомощность (Подольская, Пономарева, Евдокимов, 2020).

LTO (Long-term Orientation) – долгосрочная ориентированность. Данный показатель связан с типом мировоззренческой ориентации во времени и определяет, в будущее, прошлое или настоящее нацелена деятельность человека в личной и общественной жизни. Высокое значение данного показателя свидетельствует о долгосрочной ориентированности, нацеленности на будущее. Это проявляется в способности человека строить долгосрочные планы, в бережливости по отношению к материальным и человеческим ресурсам, в соблюдении и поддержке прогрессивных общественных норм и реформ. Низкое значение показателя выражается в краткосрочной ориентированности, ориентации на прошлое, выражающейся в почитании традиций и обычаев, соблюдении устоявшихся законов, поддержке устойчивости и стабильности.

Результаты исследования по данному показателю также демонстрируют близость культурных ценностей русских ($LTO = 53$) и мигрантов ($LTO = 57$), которые в данном случае связаны со среднесрочной ориентированностью молодежи. Так как данный показатель демонстрирует характерные различия между западным и восточным типами мышления, то неудивительно, что молодежь России и стран постсоветской Центральной Азии находится в середине. В ситуации, когда опора на прошлое не очень возможна ввиду молодости вновь появившихся в 1990-е гг. государств, а ориентироваться на эфемерное будущее тяжело из-за сложностей социально-экономического характера, настоящее становится самой понятной и ощущаемой субстанцией для центрирования культурных ценностей и формирования этнокультурной идентичности (Евдокимов, 2019: 59). Исследование Н.Е. Тихоновой также подтверждает инертность ожиданий российской молодежи относительно своего будущего. Подавляющее большинство опрошенных молодых граждан в возрасте от 18 до 30 лет отметило невозможность влияния на масштабные преобразовательные процессы в стране (Тихонова, 2011). Молодежь обеих исследуемых групп находится в состоянии поиска жизненных ориентиров, которые позволят максимально эффективно адаптироваться к реалиям текущей социокультурной и политико-экономической обстановки.

Заключение. Анализ результатов исследования продемонстрировал, что культурные ценности у представителей русской молодежи и приезжих из стран Центральной Азии во многом схожи. Обеим группам респондентов свойственны низкая дистанция власти, индивидуализм, маскулинность, высокая степень избегания неопределенности и средний уровень долгосрочной ориентированности. Среди зафиксированных различий можно отметить, что для молодых мигрантов по сравнению с русскими характерен более низкий уровень индивидуализма (наибольшая разница в показателе), меньшая дистанция власти, меньший уровень избегания неопределенности, но более высокий уровень маскулинности и долгосрочной ориентированности. Данные выводы, по нашему мнению, можно применять в отношении периферийных регионов России,

представляющих интерес для мигрантов из стран Центральной Азии с точки зрения образовательной или трудовой миграции.

Опираясь на данные исследований Ю.В. Латова и Н.В. Латовой, которые изучали ценности студенческой молодежи в начале 2000-х гг. (Латов, Латова, 2007), и проведенное нами исследование, можно зафиксировать несколько тенденций ценностных сдвигов по показателям Хофстеде. Так, у представителей русской молодежи наблюдается значительное уменьшение дистанции власти, рост индивидуализма, уменьшение уровня маскулинности, увеличение показателя долгосрочной ориентированности, что свидетельствует о влиянии ценностей западной культуры. С другой стороны, можно обнаружить и влияние Востока: увеличилось значение уровня избегания неопределенности. Среди молодежи центрально-азиатских государств также наблюдается уменьшение дистанции власти и увеличения уровня долгосрочной ориентированности. При этом происходит уменьшение показателя избегания неопределенности и индивидуализма и увеличение маскулинности. Это свидетельствует об осязаемом влиянии на молодых мигрантов российского социума, который активно транслирует и передает собственные наиболее устойчивые культурные ценности.

Культурно-ценностные сдвиги, которые мы наблюдаем сегодня, можно охарактеризовать с нескольких позиций. Во-первых, это социально-экономическое положение населения. Разница в культурных ценностях во многом определяется социально-экономическими условиями, в которых формируется личность индивида, рост благосостояния приводит к усилению западных ценностей, а ощущаемая нестабильность – к росту показателя избегания неопределенности. Во-вторых, культурно-религиозный фактор, который определяется достаточно высокой степенью традиционности населения. Несмотря на то, что молодежь в России сегодня ориентирована по большей части на Запад, сила традиций, обычаев и устоявшихся социокультурных норм до сих пор очень велика. Для приезжей из Центральной Азии молодежи к этому добавляется серьезное религиозное основание в форме ислама. В-третьих, это психологический фактор, который связан с более высоким уровнем адаптивности к новой среде людей, которые участвуют в миграционных перемещениях. Молодые мигранты по сравнению с представителями принимающего общества демонстрируют более высокий уровень самостоятельности и почти полное отсутствие личностной беспомощности, что является важным компонентом в трансформации идентичности индивида в современном культурном процессе.

Список источников:

- Евдокимов А.И., Пономарева И.В. Культурные ценности российской молодежи и мигрантов из стран Центральной Азии // Теория и практика общественного развития. 2021. № 2 (156). С. 26–31.
- Евдокимов А.И. Этнокультурная идентичность в социокультурном пространстве полиэтничного региона: философско-антропологический анализ // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64). С. 56–60.
- Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М., 2018. 347 с.
- Латов Ю.В., Латова Н.В. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеда // Мир России. Социология. Этнология. 2007. Т. 16, № 4. С. 43–72.
- Латова Н.В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе анализа Г. Хофстеда) // Вестник института социологии. 2016. № 4 (19). С. 155–179. <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.433>
- Мадюкова С.А. Место и роль этнических традиций в социокультурном пространстве // Respublica Literaria. 2021. Т. 2, № 1. С. 84–94. <https://doi.org/10.47850/RL.2021.2.1.84-94>
- Подольская М.В., Пономарева И.В., Евдокимов А.И. Исследование этнической идентичности у молодежи России и молодых мигрантов из Центральной Азии с личностной беспомощностью и самостоятельностью // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 12 (80). С. 161–166.
- Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта // Вестник института социологии. 2011. № 3. С. 10–27.
- Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 9–49.
- Хренов А.Е. Культура и социальные изменения: макроанализ взаимосвязи // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (30). С. 182–186.
- Чистанов М.Н. Культурная идентичность Центральной Азии: постколониализм или неоколониализм? // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 4. С. 50–59. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2020-18-4-50-59>
- Anzhiganova L., Asochakova V., Topoeva M. Ethno-Confessional Neotraditionalism in a Globalized World: Search for Basis of Identification // Revista de Humanidades. 2017. Vol. 30. Pp. 141–153. <https://doi.org/10.5944/rdh.30.2017.18206>
- Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies / R.J. House [et. al]. Thousand Oaks, CA : Sage, 2004. 818 p.
- Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Sage, 1980. 475 p.
- Schwartz S.H. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. Pp. 1–65. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)

References:

- Anzhiganova, L., Asochakova, V. & Topoeva, M. (2017) Ethno-Confessional Neotraditionalism in a Globalized World: Search for Basis of Identification. Revista de Humanidades. 30, 141-153. DOI: <https://doi.org/10.5944/rdh.30.2017.18206>

- Chistanov, M.N. (2020) The Cultural Identity of Central Asia: Post-Colonialism or Neocolonialism? *Siberian Journal of Philosophy*. 18 (4), 50-59. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2020-18-4-50-59> (In Russian)
- Evdokimov, A.I. (2019) Ethnocultural Identity in the Sociocultural Space of a Polyethnic Region: Philosophical and Anthropological Analysis. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 56-60. (In Russian)
- Evdokimov, A.I. & Ponomareva, I.V. (2021) Cultural Values of Russian Youth and Migrants from Central Asia. *Theory and Practice of Social Development*. (2), 26-31. (In Russian).
- Hofstede, G. (1980). *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Sage.
- Hofstede, G. (2014) Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Language, Communication and Social Environment*. (12), 9-49. (In Russian).
- House, R.J., Hanges, P.J., Javidan, M., Dorfman, P.W. & Gupta, V. (2004) *Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies*. Thousand Oaks, CA, Sage.
- Inglehart, R.F. (2018) *Kul'turnaja jevoljucija: kak izmenjajutsja chelovecheskie motivacii i kak jeto menjaet mir* [Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World]. Moscow, Mysl. (In Russian).
- Khrenov, A.E. (2017) Culture and Social Change: Macroanalysis Relationship. *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*. (1), 182-186. (In Russian).
- Latov, Yu.V. & Latova, N.V. (2007) Findings and Paradoxes of Ethnometric Analysis of Russia's Economic Culture According to Hofstede. *Universe Of Russia. Sociology. Ethnology*. 16 (4), 43-72. (In Russian)
- Latova, N.V. (2016) Russians' Cultural Specificity (An Ethnometrical Analysis Based on Geert Hofstede's Concept). *Bulletin of the Institute of Sociology*. (4), 155-179. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.433> (In Russian)
- Madyukova, S.A. (2021) Place and Role of Ethnic Traditions in the Socio-Cultural Space. *Respublica Literaria*. 2 (1), 84-94. DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2021.2.1.84-94> (In Russian)
- Podolskaya, M.V., Ponomareva, I.V. & Evdokimov, A.I. (2020) Study of Ethnic Identity in Youth of Russia and Youth-Migrants from Central Asia with Personal Helplessness and Independence. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. (12), 161-166. (In Russian)
- Schwartz, S.H. (1992) Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. *Advances in Experimental Social Psychology*. 25, 1-65. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)
- Tikhonova, N.E. (2011) Dynamics of Normative-Value Systems of Russians and Prospects of Modernization Project. *Bulletin of the Institute of Sociology*. (3), 10-27. (In Russian)

Информация об авторах

А.И. Евдокимов – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=763209.

И.В. Пономарева – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия; старший научный сотрудник Томского государственного университета, Томск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=208277.

Information about the authors

A.I. Evdokimov – PhD, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Cultural Studies, Katanov Khakass State University, Abakan, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=763209.

I.V. Ponomareva – PhD in Psychology, Associate Professor, Head of Psychology Department, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia; Senior Research Fellow, Tomsk State University, Tomsk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=208277.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.12.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.01.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 25.01.2022.